

Глория Голд

КАК НАПИСАТЬ
БЕСТСЕЛЛЕР?

Глория Голд

Как написать бестселлер?

<https://litres.ru/73082763>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кто сказал, что вдохновение – это благодать, ниспосланная автору свыше? А что, если это голодный и ненасытный зверь, который требует жертвы? Что, если он будет преследовать тебя неустанно, пока ты не явишь ему все свои мысли, не отдашь их бумаге строка за строкой, слово за словом?

Тебя будет трясти, как в лихорадке. Дрожащей рукой ты будешь хвататься за перо, за свой хрупкий парус в бушующем океане вдохновения. В нём твой маленький одинокий кораблик – талант – в любую минуту рискует быть потопленным или выброшенным на пустынный берег забвения. И ты, мой дорогой автор, снова и снова будешь переписывать начало или конец своей истории. Образы, словно назойливый рой, продолжают жужжать в твоём воспалённом от бессонных ночей сознании и не дадут тебе покоя, пока не обретут форму на бумаге.

Готов ли ты к этим невыносимым, но порой таким сладким мукам творчества? Чтобы в итоге обрести покой или, если, конечно, сойдутся звёзды, неминуемую славу?

Содержание

Глава 1. Идея	4
Глава 2. План или хаос	9
Глава 3. Системы продуктивности	14
Глава 4. Главный герой	21
Глава 5. Диалоги	26
Глава 6. Стил, или его иллюзия	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глория Голд

Как написать бестселлер?

Глава 1. Идея

Главное, чего у вас нет. И как это скрыть.

И вот вы здесь. Между решением «написать книгу» и первой строчкой зияет пропасть, и вы робко заглядываете в неё, ожидая увидеть там сияющие лики Муз или хоть проблеск сюжета. Вы видите лишь собственное, слегка перекошенное от ужаса отражение. Поздравляю. Вы на верном пути. Этот первобытный ужас чистого листа – ваш единственный честный союзник. Всё остальное, что вы слышали о творчестве, – ложь. Особенно та часть, где речь идёт о Божественной Идее.

Забудьте про Вдохновение с большой буквы. Забудьте про озарения, нисходящие в виде благодатного дождя на избранных. Ваше вдохновение – это счёт за электричество, зависший на экране, это немой укор пустого документа, это панический звонок внутреннего критика, который уже готовит рецензию на то, чего вы ещё даже не начали. Это и есть ваше сырьё. Профессионал не ждёт погоды у моря – он опресняет солёную воду отчаяния и делает из неё питьевую, пусть и с привкусом дешёвого кофе.

Поймите простую вещь: ваш будущий читатель, тот са-

мый, чьи деньги должны перекочевать в ваш карман через цепочку посредников, – трус. Он новаторства не жаждет, он его боится. Его мозг, измотанный скроллингом, работой и бытом, жаждет не открытий, а комфорта. Ему нужно старое, тёплое, проверенное одеяло, но сшитое из новой, модной ткани с принтом «инновация». Он хочет, чтобы его ткнули носом в ту же самую истину, в которую тыкали уже сто раз, но ткнули с новой интонацией, желательно с пистолетом у виска или призраком в спальне. Ваша задача как поставщика литературного продукта – удовлетворить этот спрос. Вы не первооткрыватель. Вы – талантливый декоратор, перекрашивающий фасад стандартного дома в цвет сезона.

Отсюда вытекает наш основной метод, который можно назвать «Алхимия банальности» или, проще, «Дикий гибрид». Он требует не гениальности, а лишь доступа к спискам бестселлеров и остатков цинизма. Возьмите два, а лучше три актуальных тренда. Например:

Мрачный детектив с травмированным героем.

Уютное фэнтези о простых радостях.

Космическая опера с политическими заговорами.

Теперь, словно безумный учёный в дешёвом фильме ужасов, сшейте их вместе. Не думайте о смысле, думайте о звучности. «Убийство в булочной на орбите Сатурна». «Детектив-алкоголик ищет рецепт волшебных круассанов, украденный межгалактической мафией». «Бариста с далёкой аграрной планеты случайно заваривает чай, способный сва-

лить тирана всей Галактики». Звучит глупо? Прекрасно. Это не глупость, это – потенциал. Это крючок. Издатель, этот утомлённый прорицатель рынка, услышав такое, не увидит абсурда. Он увидит пересечение аудиторий. Он увидит нишу. Он увидит строку в отчёте для маркетологов. А там, где есть строка в отчёте, рано или поздно найдётся строчка в контракте.

Но что делать, если даже на этот примитивный конструктор не хватает сил? Если ум, подобно пересохшему колодцу, выдаёт лишь пыль? Существует аварийный люк, последнее прибежище писателя-неудачника, которое мы с вами переименуем в «Генератор чистого гения». Возьмите бумагу. Разделите на три колонки. В первую впишите наугад десять мест: заброшенный цирк, офис, тундра, лифт, вулкан. Во вторую – десять профессий: библиотекарь, шпион, пастух, робот-сиделка, дегустатор облаков. В третью – десять конфликтов: война за последний работающий тостер, поиск идеальной рифмы к слову «апельсин», спасение кота с дерева, за которым охотится таинственная секта. Закройте глаза, ткните пальцем. «Библиотекарь в жерле вулкана спасает кота от секты, чтобы найти рифму к „апельсину“ и выиграть войну за тостер». Готово. Идея есть. Она уродлива, нелепа и пахнет серой. Но она материальна. А с материальным объектом уже можно работать: шлифовать, красить, приделывать ручки и ножи. Вы преодолели главное – паралич перед ничто. Вы получили глыбу мрамора, в которой, если очень сильно

прищуриться, можно разглядеть очертания чего-то отдалённо напоминающего скульптуру.

И вот здесь мы подходим к главному тайному знанию этой главы, к тому, что отделяет страдальца от циника: вашу идею не только не нужно любить – её нужно тихо презирать. Относитесь к ней как к полезному идиоту, которого вы взяли в компаньоны лишь потому, что у него есть старенький, но работающий автомобиль. Вы используете её. Вы эксплуатируете её. Вы будете привирать на её счёт в синопсисах и интервью, называя «глубокой метафорой одиночества в цифровую эпоху». Но в глубине души вы будете знать, что это просто история о говорящем кактусе, который расследует кражу кактусихи из цветочного магазина. Это здоровое, циничное отношение освобождает. Оно позволяет вам ломать идею, перекраивать её, выкидывать целые куски без сомнений и угрызений совести. Вы – хирург, она – пациент на операционном столе. Ваша задача – выжить, а не влюбиться.

Выдохните. Идея, пусть и дурацкая, у вас есть. Теперь в груди разливается тёплое, пьянящее чувство – предвкушение старта. Руки сами тянутся к клавиатуре, пальцы уже отстукивают в воздухе первый, гениальный абзац. Мир замер в ожидании шедевра.

Остановитесь.

Уберите руки от клавиатуры и положите их на колени. Это чувство – ловушка. Сладкий, мгновенный наркотик, за которым последует мучительная ломка на двадцатой страни-

це, когда вы поймёте, что ваш говорящий кактус завёл вас в безвыходный сюжетный тупик, а украденная кактусиха уже не кажется такой уж важной. Чтобы этого не случилось, нам предстоит сделать выбор, который расколёт сонное царство пишущей братии на два враждующих клана, и вам же предстоит научиться смотреть на обоих сверху вниз с лёгкой, безгливой жалостью.

Глава 2. План или хаос

Почему не работает ни то, ни другое, и как это монетизировать.

Представьте литературный семинар в подвале книжного магазина. Воздух густ от запаха пыльных страниц, дешёвого вина и непомерных амбиций. В левом углу за столом – лагерь Планировщиков. Они сидят с невозмутимостью тибетских монахов, а перед ними разложены не рукописи, а священные тексты: таблицы Excel с мотивацией персонажей, цветные графики сюжетных арок, детализированные до погоды на третьем мая карты вымышленных миров. Они верят в порядок, контроль и силу предопределения. Их девиз: «Без плана ты строишь замок на зыбучих песках прокрастинации». Они могут провести месяцы, выстраивая идеальный, ажурный каркас истории, и к моменту, когда надо будет начать наращивать на него плоть, испытать к своему творению такую глухую, всепоглощающую ненависть, что единственным желанием будет сжечь папку, пепел смешать с виски и выпить, чтобы забыть. Их будущие тексты рискуют стать безупречными, выверенными и абсолютно безжизненными, как манекен в витрине дорогого бутика.

Напротив них, в правом углу, бурлит лагерь Хаотиков. Они вваливаются с шумом, в мятых свитерах, с горящими глазами пророков. У них нет планов, у них есть Порыв.

Они садятся и отдаются потоку. Куда выведет река сюжета? Кто знает. Узнает ли главный герой на странице 250, что он принц? Автор узнает об этом вместе с ним, в момент наития. Их девиз: «Я слеую за своими персонажами! Истина рождается в импровизации!». Их процесс – это шаманский транс, экстатическое путешествие без карты по собственному подсознанию. И это путешествие почти гарантированно заканчивается где-то на экваторе книги, в непроходимой трясине забытых побочных линий, противоречий и персонажей, которые заблудились, устали и сели на пенёк плакать. Этот тупик они с гордостью величают «творческим кризисом» или «писательским блоком», хотя это не блок. Это крах. Паническое, потное осознание, что ты завёл свой роскошный литературный экспресс в глухой тупик и теперь не знаешь, как выбраться, не разобрав паровоз на запчасти.

Так куда же, спросите вы, сжимая в потных ладонях свою уродливую, но дорогую идею, идти? В лагерь к бухгалтерам от прозы или в стан кричащих шаманов?

Ответ, который не понравится ни тем, ни другим: идите поверх них. Станьте циничным оппортунистом. Украдите у каждого лагеря самый крепкий инструмент, отбросив прилагающуюся к нему догматику. Вам нужна не религия, а тактика выживания.

Назовём её «Тактическое блуждание по нарисованному мелу». Суть проста.

Не стройте чертёж небоскрёба. Нарисуйте пиратскую кар-

ту сокровищ. Весь ваш план должен уместиться на одном листе А4, который вы впоследствии эффектно скомкаете для фото в социальных сетях. Внизу – бухта «Отплытие». Вверху – жирный, зазывный крест «Сокровище» (ваш финал). Между ними – вольные зигзаги океана, по которому вам предстоит плыть. И на этом океане наметьте лишь несколько, от силы пять-семь, островов-вех: «Залив первой катастрофы», «Пролив случайной любви/дружбы», «Остров ложной победы», «Болото полного, абсолютного, безнадёжного краха», «Скала внезапного и немного глуповатого прозрения».

Вы знаете, откуда плывёте. Вы знаете, куда в итоге должны приплыть. Вы знаете несколько точек, где можно пополнить запасы рома и сделать эффектное селфи для читателей. Но какой именно курс вы будете держать между этими островами, попадёте ли в шторм или штиль, встретите ли русалок или пиратов – решите по ходу, глядя по погоде и собственному настроению. Это даёт спасительный компас цели (украденный у Планировщиков) и сладостную иллюзию свободы (одоленную у Хаотиков).

А чтобы было не так одиноко в этом плавании, прихватите с собой пару проверенных, консервных, но надёжных костылей – готовые скелеты сюжетов. Не изучайте их благоговейно, как священные свитки. Используйте их как конструктор «Лего» для очень уставших взрослых.

Вот вам «Круг дурака-героя»: жил-был дурак в своём болотце; жизнь пнула его с такой силой, что он вылетел из бо-

лота; он нехотя поплелся куда глаза глядят; нашёл таких же лузеров-попутчиков; они вместе добились как будто бы победы (ура!); потом выяснилось, что это всё была ловушка и теперь всё вообще хуже некуда; герой в отчаянии, на самом дне; на дне ему в голову стучит простая, как дверной косяк, мысль; он применяет эту мысль в финальной драке; возвращается домой тем же дураком, но с новым шрамом, попутчиком и, возможно, кружкой. Всё. Нанизывайте события вашей истории, как шашлык на этот шампур.

Или возьмите «Треугольник мелодраматического страдания»: Идиллия (всё слишком хорошо, читатель зевает) – Ад (всё рушится с катарсическим грохотом) – Искупление (слёзы, объятия, смерть второстепенного персонажа для остроты). Гоняйте своих бедных героев по этому треугольнику, с каждым витком закручивая гайки страданий посильнее. Читатель будет рыдать, сморкаясь в платок, и слать вам благодарственные письма, полные опечаток от слёз.

И наконец, главный, финальный лайфхак этой главы: потратьте на создание этой карты, на раскладывание цветных стикеров, на глубокомысленное разглядывание её за третьей чашкой кофе ровно столько времени, сколько нужно для достижения состояния «творческой погружённости», не требующей собственно писания. Сделайте фото вашего «плана». Выложите в соцсеть с хештегом #творческийпроцесс #внутренняякухняписателя. Получите порцию одобрительных комментариев от таких же несчастных, застрявших на

той же стадии. Теперь вы не бездельник. Вы – творец в стадии глубокой, интеллектуальной подготовки. Ваша совесть чиста. Вы можете неделю ходить вокруг этого листа, вдумчиво попивая чай и чувствуя причастность к великому делу, и это будет считаться работой. А когда в три ночи вас накроет холодная волна стыда за бесплодно прожитый день, вы просто бросите взгляд на карту, висящую на стене, и скажете себе с достоинством: «Я не просто так. У меня есть ПЛАН. Я работаю над структурой». И спокойно уснёте, отложив собственно написание текста на завтра, на послезавтра, на следующую жизнь.

Овладейте этим искусством – искусством создания убедительной видимости движения, когда вы на самом деле стоите на месте, – и половина пути к успешной карьере писателя будет пройдена. Осталось лишь написать саму книгу. Но это уже, как говорится, технические детали.

Глава 3. Системы продуктивности

Для тех, кто ненавидит системы.

Теперь у вас есть идея-уродец и карта, которую мы с вами брезгливо назвали планом. Наступил священный момент, ради которого, как вам кажется, всё и затевалось: пора писать. Вы садитесь в своё святилище – за кухонный стол, в кресло в шикарном кабинете с дубовыми панелями, – включаете компьютер. Или достаёте блокнот с дорогой, зернистой бумагой и идеально заточенный карандаш. Вы делаете глубокий вдох, готовый выдохнуть в мир первые, нетленные слова. И... выдыхаете просто воздух.

Проходит минута. Пять. Десять. Начинает чесаться нос. Вспоминается, что не проверена почта. Что кофе остыл и его нужно подогреть. Что неплохо бы перед такой важной работой пропылесосить. И вот вы уже не писатель на пороге творчества, а человек, который с глупым выражением лица пялится в пустой документ, а в голове, вместо величественных фраз, крутится одна-единственная, навязчивая, как комар: «Я не могу».

Поздравляю. Вы столкнулись не с ленью, а с классическим синдромом инженера, которому выдали чертёж паровоза, мешок болтов и велели собрать всё это голыми руками. Вам нужны инструменты. Или, как модно говорить, системы продуктивности. Мир, к вашему счастью, полон ими. Весь

интернет завален статьями, книгами, курсами о том, как писать по 10 000 слов в день, как использовать метод «Помodoro», как заполнять «утренние страницы», как организовывать «писательские ретриты». Наш циничный долг – пройти по этому хору советов, как танк по цветочной клумбе, и собрать в кучу то небольшое, что не развалится при первом же контакте с реальностью.

Начнём с короля – метода «Помodoro». Идея гениальна в своей простоте: 25 минут пишете, как одержимый, 5 минут отдыхаете, повторяете цикл. Теоретически. Практически же что происходит? Вы заводите таймер. Первые две минуты пытаетесь вспомнить, о чём вообще ваша книга. Ещё три – ищете вдохновляющую музыку без слов. К десятой минуте вы входите в некое подобие потока и даже выдавливаете из себя пару абзацев. И тут... БИП-БИП-БИП! Таймер. Прерваться сейчас? Но я же только разогнался! Это же убийственно! Вы с яростью выключаете сигнал и пишете ещё 40 минут без перерыва, чувствуя себя гением, плюющим на системы. А потом, выдохшись, отползаете от стола и следующие три часа не можете заставить себя вернуться к работе, потому что «отдохнуть пять минут» уже не получится – сломан весь ритм.

Или другой вариант: через 10 минут писательского «Помodoro» вы понимаете, что умираете от жажды, а в перерыве надо успеть сходить на кухню, в туалет и проверить лайки. Ваши 5 минут превращаются в 25, и цикл рушится. Вывод:

«Помодоро» – отличная система для роботов или для людей, пишущих технические инструкции. Для творчества, которое требует хотя бы минимального разгона, это попытка.

Дальше по списку – «Утренние страницы» из культовой книги «Путь художника». Вам предлагается сразу после пробуждения, не отрываясь, выписывать три страницы любого потока сознания, чтобы «очистить ум» от мусора. Звучит духовно и глубоко. На практике это выглядит так: вы, с клейкими от сна глазами и запахом изо рта, как зомби, пытаетесь выцарапать в блокноте: «хочу спать кофе почему опять этот сон про школу чёрт ручка не пишет надо купить масла и хлеба что я вообще делаю боже какой ужас...» Три страницы такого бреда – и ум, возможно, и очистится. Но очистится он настолько, что вместе с «мусором» выплеснется и любая оставшаяся мотивация что-либо созидать. Вы будете чувствовать себя опустошённым, слегка тошным от собственной ментальной диареи, и единственное творческое желание – это доползти до дивана и прикрыть глаза. Не очищение, а капитуляция.

А что насчёт «писательских ретритов»? Уехать в домик в лесу, на берег моря, отключиться от мира и наконец-то дописать эту чёртову книгу! Это мечта. И, как всякая мечта, при столкновении с реальностью она даёт трещину. Потому что, оказавшись один на один со своей книгой в тишине и без интернета, вы внезапно понимаете страшную правду: проблема была не в отвлекающих факторах. Проблема – в вас.

Внутри вас. И теперь, лишённый спасительных поводов отвлечься (работа, семья, соцсети), вы остаётесь наедине с этой проблемой в четырёх стенах. Паника нарастает в геометрической прогрессии. Тишина становится оглушительной. Лес за окном – зловещим. К концу первого дня вы будете готовы разговаривать с мебелью, лишь бы не садиться за текст. Ретрит превращается в психологическую камеру пыток, из которой вы сбежите на третий день, сославшись на поломку котла или внезапную болезнь троюродной тётки.

Так что же делать? Признать поражение и пойти водить трамвай?

Конечно, нет. Нужно создать свою собственную систему, построенную не на дисциплине, а на хитрой уловке и здоровом цинизме. Я называю её «Метод обратного отсчёта до публичного позора».

Шаг 1. Публичное обязательство.

Вы не просто пишете книгу. Вы объявляете об этом. Но не туманно, а с деталями.

«Друзья! Я пишу роман „Ледяной престол на орбите Одина“. 15-го числа каждого месяца я буду выкладывать в телеграм-канал отчёт: сколько страниц написано и отрывок. К 1 декабря будет готова первая черновая версия!»

Вы размещаете этот пост везде, где вас знают. Вы создаёте себе внешнего надсмотрщика в лице знакомых, которые будут время от времени спрашивать: «Ну как, продвигается ледяной престол?». Страх публичного провала – самый

мощный двигатель, известный человечеству. Сильнее кофе и вдохновения вместе взятых.

Шаг 2. Микроцели вместо макро.

Не «написать книгу». Это всё равно что сказать «покорить Эверест». Ужасающе.

Ваша задача на сегодня – не «написать главу». Ваша задача – написать 300 слов про то, как герой впервые видит космо-фьорд. Всего 300. Это полстранички. Это можно сделать за 20 минут, даже если вы тупо перечисляете, что он видит: лёд, скалы, туман, мерцание щитов на орбите, тошноту от невесомости. Пишите хоть примитивный список. Главное – сесть и сделать эти 300 слов.

Чаще всего, начав, вы напишете 500 или 800. Но если нет – и 300 хватит. Вы выполнили дневную норму. Вы молодец. Вы можете спать спокойно. На завтра – ещё 300. И так, словно муравей, по крошке, вы протащите свою идею от начала до конца.

Шаг 3. Создание ритуала прокрастинации.

Запретить себе отвлекаться – невозможно. Это всё равно что приказать себе не думать о белой обезьяне. Поэтому мы поступим иначе. Мы запланируем отвлечение.

Установите правило: я пишу свои 300 слов, а потом – в награду – имею полное право 45 минут смотреть глупые ролики с котиками/читать форумы/гладить бельё. Но не до, а после.

Вы превращаете прокрастинацию из врага в законную на-

граду. Мозг любит награды. Он будет готов немного поработать, чтобы получить свою порцию бесполезного, но приятного контента. Это низко. Это пошло. Но это работает.

Шаг 4. Физический артефакт.

Заведите огромный, уродливый настенный календарь. Каждый день, когда вы выполнили норму, вы берёте жирный красный маркер и ставите в клетке даты огромный, удовлетворяющий «X».

Ваша задача – не порвать календарь от обилия текста. Ваша задача – не порвать цепочку «X». Посмотрите на календарь, где уже есть пять «X» подряд. Разорвать эту цепочку из-за лени будет психологически больно. Вы лучше сядете и напишите свои 300 слов, лишь бы не видеть этот проклятый пропуск. Вы будете работать не ради книги, а ради сохранения красивой цепочки на календаре. И в этом нет ничего стыдного. Главное – результат.

И последнее. Организуйте своё рабочее место. Но не так, как советуют гурманы продуктивности (минимализм, только ноутбук и кактус). Нет.

Ваше рабочее место должно быть алтарём показной занятости. Вторая клавиатура для солидности. Стопка умных книг, раскрытых на случайных страницах. Несколько чашек с недопитым кофе разной степени свежести. Блокноты с загадочными пометками. На мониторе – обязательно открытая вкладка с тезаурусом или картой вашего вымышленного мира. Даже если вы в ней не нуждаетесь. Это декорации. Они

нужны не вам, а вашему внутреннему перфекционисту, который будет ныть: «Какие условия! Иди пиши, недотёпа, раз уж ты всё это организовал!»

В сухом остатке: забудьте о поиске идеальной системы. Её не существует. Ваша система должна быть гибкой, немного пошлой и построенной на самообмане. Вы не покоряете творчество. Вы его обманываете, подкупаете и шантажируете, по одному красному «X» на календаре за раз. А когда через год вы, наконец, допишете последнюю фразу, то с удивлением поймёте, что весь этот цирк с календарями, публичными обещаниями и 300 словами был и есть единственно возможный способ написать книгу для такого циничного и ленивого негодяя, как вы. Или как я. Что, в сущности, одно и то же.

Глава 4. Главный герой

Должен быть как все, но «с изюминкой» (например, со шрамом).

Итак, под гнётом публичных обещаний и красных «Х» на календаре вы выдавили из себя несколько тысяч слов. Перед вами уже не пустота, а нечто аморфное: описания мест, обрывки диалогов, смутные действия. Пора заселить этот мир тем, ради кого, как уверяют все гиды по писательству, читатель будет переворачивать страницы – Главным Героем. Здесь вас ждёт очередная развилка между высоким искусством и рыночным успехом. Искусство шепчет: «Создай живого, сложного, противоречивого человека!». Рынок бубнит: «Сделай шаблон, но с одним (1!) уникальным продающим признаком». Мы, разумеется, слушаем рынок. Потому что «сложный, противоречивый человек» в руках новичка – это гарантированный путь к созданию невротического, нерешительного болвана, который 300 страниц рефлексировать и ничего не делает.

Читатель не хочет знакомиться с новым человеком. Он хочет найти на страницах улучшенную версию себя или, на худой конец, того, кем он тайно мечтает быть (с разрешения супер-эго и налоговой). Ваш герой – это аватар читателя в опасном и увлекательном мире вашей книги. Поэтому забудьте о глубине. Глубина – это роскошь для седьмой книги

в успешной серии, когда читатели уже прикипели и готовы простить автору эксперименты. В первой книге нужны ясность и проекция.

Начнём с основ. Вашему герою нужна профессия криповая, но понятная. Не «менеджер среднего звена» – скучно смертельно. Не «нанотехнолог-экзобиолог» – слишком сложно. Нужно нечто на стыке: «реставратор старинных карт», «снайпер, специализирующийся на удалённых планетах с разрежённой атмосферой», «закупщик редких специй для императорской кухни», «экзорцист, работающий только с полтергейстами в небоскрёбах». Профессия должна звучать интригующе, но быть объяснимой в одном предложении. Она сразу даёт герою навык, круг общения и потенциальные конфликты.

Далее – травма-крючок. Это не глубокая психологическая рана, это скорее этикетка, ярлык. Родители погибли (классика). Его предал лучший друг/возлюбленный(ая). Он провалил важнейшую миссию. Он потерял единственную ценную вещь. Не усложняйте. Травма нужна не для того, чтобы герой на терапии её разбирал, а для того, чтобы в ключевой момент (см. «Болото полного краха») он мог прохрипеть: «Я никому не могу доверять после того, как Мелисса продала меня галактическим контрабандистам за новую шубу!», – и читатель понимающе кивнул.

Теперь – внешность. Забудьте подробные описания. Никому не интересны цвет глаз и форма носа, если только

они не являются магическим артефактом. Дайте одну-две детали: шрам; необычный цвет волос (седые в 25 лет, ярко-рыжие, синие); хромота; постоянно задумчивое потирание мочки уха. Одна деталь – и читатель сам додумает остальное, спроецировав своё лицо (или лицо любимого актёра) на этот каркас. Идеально, если деталь связана с травмой (шрам от предательства) или профессией (потёртости на пальцах от постоянного взведения арбалета).

Но главное – изюминка. Та самая, которая в логлайне. Она должна быть проста, визуальна и слегка идиотична. Не «глубоко страдает от экзистенциальной тоски», а:

«Он ненавидит звук, когда скребут по металлу, и готов на всё, чтобы его избежать»;

«Она коллекционирует доисторические вирусные штаммы и разводит их в аквариуме как рыбок»;

«Он панически боится сфероидов и считает всё шарообразное происками враждебной расы».

Эта изюминка не делает его глубоким. Она делает его запоминающимся. Это его «бренд». В критический момент сюжета эта черта должна сыграть роль: боязнь сфероидов помешает активировать сферический ключ, коллекция вирусов спасёт поселение от чумы, ненависть к скрежету металла поможет обнаружить врага по звуку.

Особый разговор – «Сильные женские персонажи», ибо тут рынок застрял в ловушке клише. Сильная – не значит «бой-баба». Это утомительно и предсказуемо. Сильная в рыночном понимании – это девица с навыком и проблемой.

Навык: лучшая пилотесса в секторе, гениальный хакер, смертоносная убийца.

Проблема: она эмоциональный инвалид, не умеющий выражать чувства; она одержима местью до потери пульса; у неё на руках младшая сестра, которую нужно кормить, поэтому она берётся за грязную работу. Опять же, не глубина, а схема. Читатель (и зритель) понимает мотивацию с полуслова.

И помните: даже самой крутой героине позволительно (и даже нужно) в какой-то момент заплакать, проявить слабость или сделать глупость из-за чувств. Рынок называет это «очеловечиванием». Мы назовём это «предоставлением читателю точки для жалости и соучастия».

И, наконец, арка персонажа. Забудьте про сложные трансформации. Ваш герой в начале – дурак с потенциалом. В конце – дурак с опытом (и, возможно, любовным интересом). Его изменение должно быть точечным: он научился доверять; он понял, что месть не приносит счастья; он принял свою странность. Всё.

Не надо его превращать из трусливого циника в бесстрашного альтруиста. Это неестественно и требует таланта, которого у нас с вами, откровенно говоря, нет. Пусть он останется циником, но научится доверять одному-единственно-

му человеку. Пусть он останется трусом, но найдёт способ победить, не проявляя храбрости (например, отлично спрятавшись и дождавшись подмоги). Это правдоподобнее и, как ни странно, свежее.

Ваш герой – не человек. Это функция с человеческим лицом. Функция – двигать сюжет, попадать в неприятности, демонстрировать мир и – в самом конце – позволить читателю вздохнуть с облегчением и удовлетворением. Если к финалу ваш циничный реставратор карт с боязнью сфероидов всё же спас принцессу, не прикоснувшись к сферическому ядру планеты, а используя свои знания старых чертежей вентиляции, – вы на верном пути. Вы создали не характер, а удовлетворительную схему. А в нашем бизнесе это и есть высшая форма искусства.

Глава 5. Диалоги

Или как заставить людей говорить так, как не говорит ни один живой человек.

Персонажи у вас есть. Они бродят по миру, описанному вами с чудовищным усердием, и теперь им, чёрт возьми, нужно о чём-то говорить. И здесь новичок совершает одну из двух роковых ошибок. Первая: его персонажи говорят, как реальные люди. То есть перебивают друг друга, мычат, говорят «э-э-э» и «короче», заводят бессмысленные разговоры о погоде и забывают, с чего начали. Второе: его персонажи говорят, как персонажи плохих пьес эпохи Ренессанса – витиеватыми монологами, полными скрытых смыслов и риторических фигур, разъясняя при этом сюжет и свои мотивы прямо в речи.

Наша задача – найти третий путь. Путь гиперреалистичной фальши. Диалог в коммерческой прозе – это не воспроизведение речи. Это инструмент. Инструмент для:

- а) движения сюжета;
- б) раскрытия характера (того самого, схематичного);
- в) подачи информации;
- г) разрядки напряжения остротой.

И всё это должно быть завернуто в обёртку, лишь отдалённо напоминающую человеческую речь.

Начнём с главного греха – экспозиции в диалоге. Класси-

ка жанра: «Как ты помнишь, Джон, мы с тобой братья, и десять лет назад инопланетяне убили наших родителей, когда мы летели на Марс на старом „Пеликане“, а потом нас разлучили, и теперь ты работаешь на космическую мафию, а я стал шерифом». Ни один живой брат так не говорит.

Как сделать иначе? Разделите информацию на конфликт. Пусть один персонаж упрекает, другой – отнекивается:

– Ты до сих пор пахнешь выхлопом от того старого «Пеликана», Джон. Как будто ничего и не изменилось с той ночи.

– Заткнись. Я не хочу об этом.

– Не хочешь? А хочешь, чтобы и тебя нашли, как нашли их? Эти твои новые «друзья» из мафии тебе не помогут. Я пробовал.

Видите? Информация та же: они братья, родители погибли при странных обстоятельствах, связанных с кораблём, они разлучены, Джон связался с мафией. Но она подаётся через эмоцию, через конфликт. Читатель собирает пазл, чувствуя себя умным.

Далее – характер через речь. Это просто. Трусливый герой задаёт много вопросов и часто переспрашивает. Циник говорит коротко, саркастично и много молчит. Энтузиаст сыплет словами, строит планы и перебивает. Учёный говорит сложно, с уточнениями. Солдат – командами и короткими, рублеными фразами. Не усложняйте. Сделайте речь персонажа его визитной карточкой. Читатель должен с закрытыми глазами понимать, кто сейчас говорит.

Теперь о реалистичности. Полностью её добиться не нужно, но нужно создать иллюзию. Добавьте немного «сора» в речь. Не «э-э-э», а срыв на полуслове, повтор одной фразы в стрессе, неоконченное предложение. Используйте подтекст – то, что осталось несказанным. Самый мощный инструмент.

– Ты пьёшь?

– Я смотрю на море.

– Оно сегодня серое.

– Как и вчера.

Здесь не сказано ничего – и сказано всё: персонаж в депрессии, пытается отгородиться, собеседник проявляет осторожную заботу, но оба слишком горды или сломлены, чтобы говорить прямо. Читатель чувствует напряжение. Он вовлечён. Он додумывает. А додумывание – это форма со-творчества, которая создаёт привязанность.

И, наконец, остроты и кульминационные фразы. В реальной жизни люди в моменты смертельной опасности не изрекают афоризмы. Они матерятся, кричат или цепенеют. Но читатель этого не хочет! Он хочет удовлетворяющей кульминационной фразы. Злодей, наводя бластер: «Прощай, капитан!» Герой, выхватывая спрятанный нож: «Ещё не вечер, адмирал».

Это клише? Да. Но это клише, которое работает на уровне инстинкта. Это ритуал. Это пунктик в сценарии дуэли. Отказываться от этого – всё равно что в боевике отказаться от перестрелки, потому что «в реальной жизни шансов попасть

с двух пистолетов навскидку почти нет». Не лишайте читателя этого маленького, глупого, но такого важного удовольствия.

Практическое правило на каждый диалог: прочитайте его вслух. Если вы спотыкаетесь, если фраза требует от вас дыхания профессионального драматического актёра, чтобы её выговорить, – упрощайте. Режьте. Делите длинные тирады на реплики. Пусть персонажи перебрасываются словами, как мячиком. Диалог должен звучать динамично, даже если его суть – передача сложной информации.

И последнее: избегайте синонимов к слову «сказал», как чумы. «Промолвил», «воскликнул», «провозгласил», «изрёк» – это метки дилетанта. Они оттягивают на себя внимание. Читатель привыкает к «сказал», он его не замечает, как не замечает знаки препинания. Это невидимый костыль.

Используйте действие или описание, чтобы передать интонацию. Не:

– Ты чокнутый! – воскликнул он.

А:

– Ты чокнутый. – Он ударил кулаком по столу, и затрещала столешница.

Или:

– Ты чокнутый, – его голос был тихим и ледяным.

Действие и описание работают в тысячу раз сильнее наречий и вычурных глаголов речи.

Итог: забудьте, как говорят люди. Думайте о том, как

должны говорить ваши функции. Каждое слово в диалоге – это кирпичик в стене сюжета или штрих в портрете характера. Если реплика не работает на сюжет, характер или информацию – безжалостно режьте её, даже если она гениальна. В вашей книге нет места «просто разговору». Каждая беседа – это дуэль, переговоры, исповедь или обмен данными. Только так.

И если к концу книги ваши персонажи будут общаться короткими, напряжёнными фразами, полными подтекста и рвущими кульминационными ударами, вы можете быть уверены: читатель не уснёт на диалогах. Он будет их проглатывать, как семечки, даже не задумываясь, что в реальной жизни так не болтают. А нам того и надо.

Глава 6. Стилъ, или его иллюзия

И вот ваши картонные, но яркие герои уже обмениваются кульминационными репликами, движимые рыночными арками и удобными травмами. Теперь настает черед самого коварного, самого субъективного элемента – вашего стиля. Именно здесь, в болотах прозы, терпят крах большинство начинающих, сбившись с пути либо в трясину вычурности, либо на бесплодные равнины серости. Наша задача – проложить между ними узкую тропинку циничного компромиса под названием «стиль, которого никто не заметит, но все одобряют».

Позвольте начать с главного кошмара всех писательских форумов и самого простого маркера дилетанта – пурпурной прозы. Это когда автор, охваченный священным трепетом перед собственным творением, начинает описывать закат так: «Багровое, как кровь раненого титана, солнце, утопая в пушистых, слезой ангела опушенных облаках, медленно скатывалось за горизонт, оставляя после себя агонизирующую аметистовую дымку, в которой тонули одинокие крики чаек, похожие на старинные граммофонные записи скорби». Читателю от этого хочется либо застрелиться, либо поскорее перевернуть страницу в поисках, где же, чёрт возьми, происходит действие. Подобный текст – это крик: «Смотрите, я умею пользоваться тезаурусом и словами „агонизирую».

щий“!» Это не стиль. Это симптом.

На противоположном полюсе – проза-инструкция: «Джон вошёл в комнату. Он сел на стул. Было темно. Он зажёл лампу. Он увидел письмо. Он прочитал его. Он удивился». Это безопасно, скучно и не вызывает отторжения. Но и не вызывает ничего. Как питание через зонд: функционально, но лишено всякого вкуса.

Наш путь – иллюзия стиля через контролируемую небрежность. Ваша проза должна быть прозрачной, как стекло. Читатель должен смотреть сквозь неё на историю, а не на неё. Но даже у самого чистого стекла есть отражения, блики, толщина. Ваша задача – добавить эти блики, но так, чтобы они не искажали картину.

Первое правило: конкретика против абстракции.

Не «он испытал чувство глубокой печали». А: «У него перехватило горло, и он отвернулся к окну, чтобы никто не увидел, как он сглотнул комок».

Не «комната была красивой». А: «В комнате пахло старым деревом и пылью, а свет от камина играл на потрескавшейся лакировке рояля».

Заставляйте читателя видеть, слышать, ощущать, а не понимать описания. Эмоция рождается из детали, а не из названия эмоции.

Второе правило: ритм. Это самый неуловимый и важный навык. Читайте свои предложения вслух. Чередуйте длинные, плавные периоды – с короткими, рублеными. Исполни-

зуйте короткое предложение для удара. После описания долгого, извилистого пути по тёмному лесу: «И тут он его увидел». Эта пауза, этот «удар» – работают на уровне подсознания.

Не бойтесь односоставных предложений.

Иногда.

Они создают напряжение.

Вот так.

Третье правило: лексикон. Самая большая ошибка – пытаться звучать умно. Если ваше естественное слово – «шёл», не пишите «шествовал». Исключение – прямая речь персонажа, который так и говорит.

Ваш авторский голос должен быть чуть выше, чуть чище, чуть точнее разговорного, но оставаться в зоне комфорта вашего языка. Насилие над собственным словарным запасом всегда заметно и всегда фальшиво. Лучше простое и точное, чем сложное и неточное.

А теперь давайте разберёмся с тем, что я вскользь упомянула в прошлой главе и что заслуживает отдельной казни: синонимы к «сказал» и наречия образа действия.

– Иди сюда, – приказал он.

– Ой, – прошептала она.

– Не может быть! – воскликнул Джон.

Каждое такое слово – это маленький флажок, который вы втыкаете в текст с криком: «Смотрите, как я управляю интонацией! Я не просто написал „сказал“, я написал „угрюмо

проворчал“!» Читатель спотыкается об эти флажки. Вместо того чтобы слышать диалог и самому достраивать интонацию по контексту и действиям, он вынужден считывать ваши подсказки. Это унижительно для него и выдаёт в вас неуверенность.

Доверьтесь своему диалогу и действиям персонажей:

– Иди сюда. – Его голос не терпел возражений.

– Ой. – Её шёпот едва долетел до меня сквозь шум ветра.

– Не может быть! – Кулак Джона обрушился на стол.

Видите разницу? Во втором случае читатель видит сцену и сам слышит интонации. Он вовлечён. Он соучастник. Это и есть мастерство (или его иллюзия, что для нас одно и то же).

То же – с наречиями.

«Он быстро побежал» → Выжмите наречие, усильте глагол: «Он рванулся с места».

«Она грустно улыбнулась» → «Улыбка так и не добралась до её глаз».

Описание действия заменяет наречие и создаёт образ.

И последнее: ваш «фирменный приём». Чтобы вас заметили (или чтобы создавать видимость стиля), выберите один, максимум два приёма и используйте их с умеренной, но заметной частотой.

Любите метафоры из мира техники? Пусть чувства будут «коротким замыканием», а память – «устаревшим жёстким диском». Обожаете повторы? Начинайте абзацы с одной и

той же фразы в ключевых моментах. Пишите очень короткими абзацами. Или, наоборот, длинными, гипнотизирующими периодами.

Но – один приём. Не два. Иначе это будет уже не стиль, а барахолка. Этот приём станет вашим «авторским почерком», о котором будут писать в рецензиях: «свойственная автору лаконичность» или «гипнотическая ритмика прозы». И никто не догадается, что вы просто боялись писать по-другому.

Стиль – это не украшение. Это слуга. Слуга сюжета, темпа и эмоции. Если ваш текст читается легко, без спотыканий, но при этом в памяти остаются не словесные завитушки, а ощущение места, чувство персонажа и острота момента – вы всё сделали правильно. Вы создали идеальную иллюзию. Вы заставили стекло вашей прозы не просто быть прозрачным, а незаметно направлять взгляд читателя именно туда, куда вам нужно. А это, в конечном итоге, и есть единственная настоящая цель любого стиля. Даже самого циничного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.